

Александр Степанович Грин

Горбун

Александр Степанович Грин

Горбун

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055302

Аннотация

«Горбун сидел неподвижно, подперев голову руками. Он был пьян, смотрел поочередно на всех неприятными, мутными глазами, покачивался и напевал, притопывая короткой, большой ногой.

Все говорили, ели и пили. Сдержанное оживление давно превратилось в светлое, грохочущее веселье, полное звона стаканов, пряных острот, сверкающего вина и румяных, смеющихся лиц. А я рассматривал в зеркале, отразившем электрический свет, – толстое, уродливое тело горбуна, сидевшего, как огромная ночная птица, между мной и хорошенькой, полной женщиной...»

Александр Грин

Горбун

Горбун сидел неподвижно, подперев голову руками. Он был пьян, смотрел поочередно на всех неприятными, мутными глазами, покачивался и напевал, притопывая короткой, большой ногой.

Все говорили, ели и пили. Сдержанное оживление давно превратилось в светлое, грохочущее веселье, полное звона стаканов, пряных острот, сверкающего вина и румяных, смеющихся лиц. А я рассматривал в зеркале, отразившем электрический свет, – толстое, уродливое тело горбуна, сидевшего, как огромная ночная птица, между мной и хорошенькой, полной женщиной.

Лоб его был высок и бледен; серые, маленькие глаза с желтыми мешочками орбит смотрели из-под неровных бровей остро и выжидательно. Тупой, широкий подбородок, гладкие, жидкие волосы, большие, торчащие уши, длинный рот с тонкими, болезненно-саркастическими губами, редкие рыжеватые усы – все казалось отдельными, грубо собранными частями разных человеческих лиц. А под затылком, между широких, искривленных плеч, дыбился тяжелый, угловатый горб, в туго натянутом черном сукне горбатого сюртука.

Никто не знал его; напротив, он сам пригласил всех и целый час, пока мы ели и пили, – следил, подозрительно и лю-

бопытно, получил ли каждый все, что хотел. Он неутомимо предлагал кушанья и напитки, перелистывал прейскурант, звонил, объяснялся с официантами и вообще выказывал крайнюю предупредительность. А между десертом и кофе объяснил нам своим тонким, неприятным голосом, что он – купец и что фамилия его – Гарт.

Потом он как-то вдруг, неожиданно затих, насупился и замолчал. Пил он, пожалуй, даже слишком много, и это, вероятно, отуманивало его. Впрочем, с разговорами к нему почти никто не обращался, и все были даже рады, что его скрипучий, скучный голос затих.

Клодина любезничала с поэтом; села к нему на колени и, дурашливо объясняясь в любви, совершенно растрепала его темные, шелковистые волосы. Рецензент с жаром твердил беллетристу, что нынче гениальных людей нет, за исключением одного, о котором он пока что умолчит.

Беллетрист самонадеянно улыбался и тянул, как губка, понте-канэ. Маленькая Нина, розовая и счастливая, блестела глазами, хлопала в ладоши и беспричинно смеялась, толкая под столом мое колено своими быстрыми, крошечными ногами. А инженер, мой хороший приятель, держал за талию смуглую фигурантку и говорил ей на ухо комплименты, от которых она шурилась и, в десятый раз краснея, принималась рассматривать на огонь канделябра желтое, густое вино.

Итак, нам было весело. Я говорю – нам, а не всем, – потому что горбун сидел по-прежнему неподвижно и тупо,

без всяких признаков оживления. Но в тот момент, когда уже все начали говорить всем, никого не слушая и ни к кому, в сущности, не обращаясь, – неожиданно раздался тонкий, неприятно-настойчивый голос:

– Пес!.. Послушайте!..

– Я икнул!.. – кричит поэт, бессмысленно возбуждаясь и вскакивая. – Я ик...нул! Я – орхидея, человек с шестым чувством... я – грубо... Но, позвольте...

– Уверяю вас, что я всецело пас!.. – жалобно стонал беллетрист. – Чувства мои неизменны, н-но я-пас!..

– Вы мне хотите подражать?! Но это немыслимо, уверяю вас! Ха-ха-ха-ха-ха! Я – неподражаема!

– Бирь-бирь-бирь-бирь-бирь-бирь-бом-бом!..

– Обожаемая!..

– Послушайте!.. – сказал горбун, вытягивая на стол длинные угловатые руки. – Послушайте!

На этот раз его услышали. Шум оборвался, и в глазах всех застыли натянутые, пьяные, вежливые улыбки. Мы слушали.

– Хорошо, – продолжал горбун, закрывая глаза и вздрагивая. – Хорошо! Я благодарю вас. Такие талантливые молодые люди... и, – он сделал рукой неопределенный жест, – такие прекрасные женщины... Но... – горбун открыл глаза и обвел всех неистовым, вздрагивающим взглядом, – но все к месту... Все должно быть на своем месте... И денег у Гарта уже больше нет... И уже поздно... Я благодарю вас, благодарю вас, чрезвычайно благодарю вас, господа молодые люди!..

Хи-хи!.. Довольно галдеть! Я плачу... плачу за всех, я!

Он качнул головой и, откинувшись назад так, что горб его туго уперся в плетеную спинку кресла, полез в карман за деньгами.

Мы все были так огорошены, что первое время царило только глубокое, недоумевающее молчание. Он был пьян, это несомненно. Однако необходимость проучить зазнавшегося горбуна стала слишком очевидной. Инженер выпрямился и спросил высоким, ненатуральным голосом:

– Это как? Шутка?..

– Шутка?! О, конечно, шутка! – сказал Гарт, шумно дыша и стараясь смотреть инженеру прямо в глаза. – Не сомневайтесь, молодой человек... Шутка-с!..

Лицо его побледнело, и мелкие, блестящие капли пота выступили на лбу. Жалкая, нахальная улыбка растягивала углы губ, и нервно вздрагивал широкий, тупой подбородок.

– Я плачу сам! – грубо сказал рецензент, закручивая усы. – Вы пьяны! Вот! А я плачу сам!

– Нет-с! – настойчиво возразил горбун, кладя на стол портмоне. – Вы нищий. Вы не платите. Плачу я.

– Черт побери! – заревел поэт, вскакивая и разминая плечи. – Вы что тут ломаетесь, господин добрейший? А?

– Я добрейший господин. Хорошо. Я плачу.

Все его тело начинала бить мелкая, лихорадочная дрожь. Зубы стучали, и колени смешно подпрыгивали рядом, одно с другим.

– Если вы скандалить хотите... – грозно протянул беллетрист, пуская клубы дыма прямо в нос горбуну, – если так, то не советую! Смиритесь, милейший Гарт, смиритесь, едят вас мухи с комарами! Слышите?

– Да! – с жадной радостью подхватил горбун. – Меня едят мухи с комарами, но я плачу!.. За вас! Я плачу за весь этот сброд! Да!..

– Ах ты, горбун несчастный! – с негодованием вскричала Клодина, бледнея от гнева. – Мы – сброд?! Вы это слышите, господа? Ах ты, уродина!

– Мой миленький горбунок! – фыркнула Нина. – Деточка ты моя большелобая!

– Горбунок! Конек-горбунок! Ха-ха-ха! – расхохотался поэт. – И с чего это он? А?

Я посмотрел на горбуна и невольно вздрогнул.

Он тяжело встал, хрипло засмеялся, оскалив крупные, белые зубы, хотел сказать что-то и не мог. Грузный, уродливый, взъерошенный и пьяный, он производил гнетущее, скверное впечатление. На красных пальцах его блестели крупные брильянты, манишка выбилась и топорщилась впереди, как горб, галстук сбился на сторону. Он набирал воздуха, задыхался, взматывал большой, круглой головой, бледнел, краснел. Вдруг тонкий, визгливый, истерически-звонкий голос ворвался в наши уши целым градом торопливых, сбивчивых и озлобленных, страстных слов.

Первое время все с напряженным недоумением, с кривы-

ми улыбками смотрели друг на друга, не зная, что думать и что делать, до такой степени были сумбурны и непонятны слова горбуна. И только через минуту, не раньше, когда уши привыкли к скрипучему, тонкому крику, клочьями визга и стопа сверлившему мозг, – мы начали разбирать, в чем дело. И тут нервный, судорожный хохоток загорелся в моей груди – так было нелепо и до нелепости жалко то, что кричал пьяный, обезумевший Гарт.

– Или вы хотите уверить меня, что я не сказал вам дерзость? Разве я пьян?.. И что вам весело?.. А разве я не плюнул словами в ваши красивые, пьяные, глупые хари?! И все-таки весело? И смешно, что взбеленился горбун, и кричит, и топает? А что же вы не гоните меня? Почему не бьете меня кулаками в кривую спину?! Или боитесь? Или чувствуете мое превосходство? У вас прямые спины, но я лучше вас, да, да, веселые молодые люди!.. Я тоньше и глубже вас! Я умнее и злее вас! У меня красивые, редкие мысли! И глубокие, нежные чувства!.. Ум! Живой, острый ум!.. Душа!.. Все!.. А у вас? Прямые, голые спины, – и что же, что же еще? Я богаче вас! Я из золота, понимаете ли вы – я весь из золота!.. Горб мой из золота, и ноги, и нос, и руки!.. Я весь из цветных бумажек, хрустящих, блаженных листиков!.. А вы – видели их? Держали их? Я пошел к вам!.. Я подумал и возгордился своей мыслью – своей тонкой, богатой мыслью!.. Я сказал себе – пусть живут прямые, красивые люди!.. И нежные женщины!.. И если жизнь их лучше моей – пусть!.. Я сяду с ни-

ми, толстый, неуклюжий, неприятный!.. Я буду смеяться!.. Притворюсь, что мне весело и хорошо, что мне все равно!.. Буду угодливо смеяться, и хихикать, и ждать!.. Тогда поймут мою богатую, мою бесценную мысль!.. И поймут ожидание! И я увижу простые, открытые лица, как будто я такой же, такой же, как вы, хари!..

Белое, мокрое лицо его прыгало и горело в электрическом свете безумно, истерической судорогой. Вряд ли он сознавал, что говорит. Он был мертвецки пьян, вне сомнения. Но и мы были пьяны. От этого еще тоньше и острее сверкали наши мысли, прыгая и скрещиваясь, под словами горбуна, как стальные, гнутые шпаги.

Из большого, искривленного рта летел крик, похожий на рыдание, и стон, похожий на смех. Он вздрагивал и бороздил душный, пьяный воздух, как вспугнутый табун лошадей бороздит пышную, желтую рожь. Это кричал горбун, и весь отдельный кабинет кричал вместе с ним, безобразно и жутко.

– Подойдет ко мне и улыбнется мне, а не вам улыбнется, псы!.. Не потому, что я богат!.. Не потому, что жалко меня!.. Но поймет незлобие мое, мое «Пусть!» поймет!.. Что нет во мне злобы к вам! И сядет!.. Сядет, и заговорит, и будет мило шутить... и смотреть будет так ласково, так спокойно!.. И будет думать, что обманула меня!.. Ха!.. А я скажу ей: «Не надо!.. Я одинок – но не надо! Мне больно – но не надо!.. Пощадите меня!.. Пусть будет вам хорошо – целуйтесь,

пейте, – вы поняли меня!.. И за это, за это – спасибо вам!..»
Эй, вы! Я вывернул перед вами свой горб – плюньте в него!..
Пусть будет и красота, и цветы, и солнце, и гибкие, стройные члены, и любовь!.. И жизнь пусть будет, сладкая, страшная жизнь, если поняла она мое... одно слово мое поняла.
«Пусть!»

И эти последние слова горбун выкрикнул с такой безумной тоской, с такой ненасытной жаждой всего, чему он говорил слезливо и бессильно: «Пусть!» – что сразу умолк сам, измученный и окаменевший. А потом сел – тусклый, неприятный, страшный, с пьяным, безобразным лицом, залитым пьяными слезами...

Я оглянулся, но никого уже не было. Все ушли постепенно, один за другим.

Чувство странной неловкости и тяжести не позволяло мне оставаться далее. Я взял шляпу и направился к выходу.